

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ
ОБРАЗОВАНИЯ АДЪЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: СФЕРА АРТЕФАКТОВ**

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

В статье дается описание базовых закономерностей образования адъективных лексем в текстах Марины Цветаевой в русле когнитивного подхода. Обращается внимание на антропоморфность авторской лексики как в рамках субстантивов, так и в сфере определений. Подчеркивается ключевая роль признака в объемном представлении всего спектра реалий, попадающих в поле внимания автора. Устанавливается, что в пределах концептосферы артефактов преобладают антропоморфные эпитеты, которые имеют метонимическую природу возникновения; акцентируется внимание на анализе логики построения словосочетаний на базе эмоционально-оценочной лексики переносного типа, причем переносные значения имеют неоднозначное толкование в контекстах. Данные наблюдения составляют основу для описания особенностей идиолекта Марины Цветаевой, главной из которых является антропоморфность адъективной лексики.

***Ключевые слова:** поэтика, концептосфера, Марина Цветаева, адъектив, эпитет.*

Адъективная лексика имеет давние традиции изучения в лингвопоэтике и стилистике; несмотря на данный факт, на сегодняшний момент остается много неизученных вопросов, связанных с когнитивными, смыслопорождающими механизмами образования и функционирования признаков слов как в художественной, так и в разговорной речи. Так, М.В. Сандакова неоднократно отмечает тот факт, что прилагательные, имея гибкую семантику, как никакая другая часть речи склонны приобретать новые значения в контексте, причем чаще они базируются на метафоризации и связанной с ней конкретизации семантики адъективов [Сандакова 2019]. Перенос признака в рамках единства эпитета и определяемого слова представляет собой двунаправленный процесс, поскольку обогащается семантика обоих компонентов эпитетного комплекса. Чаще всего наиболее заметен и продуктивен в речи именно метафорический перенос на основе эмпирических признаков как самых наблюдаемых и очевидных (*кружевная листва, печальное небо*) – происходит расширение семантики признаков слов [Тазиева 1991].

При изучении вопроса о механизмах переноса адъективной лексики в художественном дискурсе учитывается ее роль в формировании авторских концептов [Губанов 2017, Полехина 2019]. М.М. Полехина отмечает, что в авторском тексте очень важное место занимает именно концепт, поскольку он является носителем основных смыслов творчества. Его номинация включает в себя в том числе и адъективную лексику, поскольку репрезентация концепта подразумевает многомерность его объективации. Так, концепт «*конец*» в идиостиле М. Цветаевой выражен такими именами, как *чужбина, небытие, любовь, смерть, чужой, другой*.

Изучение языка Марины Цветаевой дает возможность рассмотреть специфику ее идиолекта с разных сторон: с позиции стилистических приемов, характерных для творческого почерка поэта [Зубова 1999, Широлапова 1997], или с позиций закономерностей когнитивных механизмов, «работающих» в ее языке [Губанов 2009, Черных 2003]. В результате проведенных исследований была отмечена важная особенность идиолекта Марины Цветаевой: центральную роль в формировании авторской картины мира играет адъективная лексика. Причем данная лексика понимается достаточно широко: к ней относятся не только собственно признаковые слова (прилагательные, наречия, причастия, местоимения, числительные), но и так называемые эпитетоиды (существительные в постпозиции, деепричастия, придаточные предложения), которые употребляются в несвойственной им позиции и функции.

Е.Ф. Киров отмечает, что в современной стилистике и дискурсологии недостаточно термина «эпитет», так как под ним понимается очень большое количество языковых фактов. Он предлагает понятие «мегаэпитет», которое кажется нам достаточно удачным и продуктивным для использования в настоящем исследовании. Исследователь пишет, что в состав мегаэпитета могут входить и, как правило, входят отдельные лексемы (контекстуальные гиперонимы) [Киров 2019]. Чтобы прояснить данную мысль, заметим, что под контекстуальным гиперонимом (лексемой) понимается отрезок текста, дискурсема, которая объединяет не только несколько частей текста, но может быть общей для ряда текстов. Во многом это определение пересекается с понятием гиперонима или ключевого слова, но в данной статье обратим внимание на понятийное наполнение термина «мегаэпитет» – это эпитет (определение), которое является сквозным, частотным, продуктивным и смыслообразующим для идиолекта говорящего, писателя.

Понятие сквозного эпитета известно из традиционной стилистики 1970-х годов: это повторяющийся в рамках одного или нескольких текстов эпитет, как правило, с той же семантикой, с небольшими семантическими вариациями и принадлежащий художественной или публицистической речи. Если опираться на понятие дискурса, то мегаэпитет будет обозначать

повторение ключевого смысла (не слова) в различных типах дискурса, что ведет к трансформации или значительному изменению его значения.

Учитывая все сказанное, перейдем к предмету настоящего исследования. В статье будут проанализированы основные закономерности образования адъективных слов в рамках концептосферы артефактов в текстах Марины Цветаевой. Под концептосферой артефактов нами понимается такая сфера объективной действительности, в которую входят различные объекты, сконструированные человеком, культурные и бытовые. В данном понимании концептосфера артефактов противостоит концептосфере «природа», поскольку последняя понимается как данная человеку совокупность стихий природы (огонь, земля, вода, воздух).

Цветаведение достаточно много и подробно описывает различные концепты творчества поэта, акцентируя внимание, в том числе, и на артефактных концептах. Чаще всего в центр внимания попадает базовый концепт творчества Марины Цветаевой – концепт «дом» [Валеева 2010, Габдуллина 2004, Ермаковская, Сафонова 2019, Ситдикова 2006, Тимошенко 2005]. Номинация концепта ключевым словом, лексемой, смыслом не отменяют схожей сущности явления; причем практически всеми учеными не отрицается факт пересечения многих концептов, их взаимопроникновение, наложение. Поэтому, к примеру, *дом* предстает и как *творчество, небесный мир, душа, поиск уюта* и т.д. [Ермаковская, Сафонова 2019].

Наряду с субстантивными ключевыми концептами исследователи обращают внимание и на тот факт, что частотны отадъективные концепты, например, концепт «*печаль*», который произведен от прилагательного *печальный* [Козакова 2009]. Для нас это очень важно, так как в работе далее подчеркивается мысль о связи концепта-эпитета и эпитетными словами: в нашем случае они имеют единую логику образования.

Таким образом, наиболее тесную связь демонстрируют концептосферы человека и артефактов как на уровне смыслов, так и на этапе языкового когнитивного моделирования. В цветаеведении разрозненные исследования указывают на данный факт, но отчетливо сформулировать эту связь позволяет двустороннее рассмотрение структуры концепта и определяющих их эпитетов.

Объектом анализа в данной статье выступает массив адъективной лексики, относящейся к концептосфере артефактов в текстах Марины Цветаевой, причем акцент будет сделан на ключевых концептах, наиболее частотных и значимых. Методами исследования выступили описание языковых фактов, семантический анализ, когнитивный анализ, статистические методы.

Материалом для анализа в данной статье послужили различные тексты Марины Цветаевой: стихотворения, поэмы, в том числе фольклорные, прозаические тексты (эссе, воспоминания, дневниковые

записи, письма), драматургия. Всего выявлено 256 контекстов с интересующими нас эпитетами.

Примеры употребления эпитетов приводятся из текстов собрания сочинений Марины Цветаевой в 7 томах с указанием номера тома и номера страницы [Цветаева 1994].

В данной статье с учетом того факта, что ключевых авторских концептов можно выделить достаточно много, мы остановимся на концептосфере *артефактов* как наиболее репрезентативной и показательной, отражающей логику конструирования переносных словоупотреблений.

Рассматриваемая ментальная сфера представлена предметными (конкретными) концептами, поскольку мир артефактов – это пространство конкретных вещей и предметов, в котором человек видит себя творцом, деятелем. Центральным в данной субсфере является концепт «дом». Этот концепт входит в ядро языкового сознания русского человека.

Сфера артефактов демонстрирует ограниченный круг концептов, номинируемых автором. Среди массива данных артефактов можно выделить *одежду* как гиперконцепт (представлен такими именами, как *плащ, сапог, кушак, риза, руно, ряса, сабля, шелк, шнурок*), а также *город* (дом – базовый концепт; *стол, карандаш / перо; окно / стекло, лестница, дверь, пол; колыбель, ложе, спальня; замок, башня; рояль; картина, книга; храм, колокола, фонарь, улицы, бульвар, аллея; могила / памятник, столб, сваи*), орудия труда / войны, музыкальные инструменты и номинации денежных единиц (*булавка, веретено, нож, серп, топор; альт, флейта; гроши, монета*). Несмотря на разнообразие объектов, все переносы имеют закономерность группироваться вокруг концептосферы-источника «человек», что будет рассмотрено далее.

«Дом» как базовый для творчества М.И. Цветаевой смысл, представлен 198 случаями употребления различных лексем, репрезентирующих данный концепт. В системе ценностей М.И. Цветаевой дом – кров, откуда человек вышел, последняя опора в жизни, убежище. Этот дом может быть *знатным, радостным, недобрый, замороженным, тревожным*.

Укажем состав эпитетов с именем концепта «дом»: *грустный / печальный* (36 контекстов), *сонный* (8 контекстов), *безглазый, веселый, замороженный, знатный, колыбельный, невеселый, невозвратный, не знающий, что мой, недобрый, немыслящийся, пустой, пышущий, радостный, радушный, раковинный, сгорбленный, скрывающийся, тревожный, угрюмый* (по 1 контексту) и др.

Как видно из списка эпитетов, дому присущи различные характеристики, относящиеся к человеку: как описание внешнего облика, так и внутреннего, психологического состояния.

Приведем примеры употребления адъективной лексики с ключевым концептом «дом»:

Как из хаты той безглазой / Выносили троих разом... [Цветаева 1994, т. 3: 301]; *Ваш шаг в мой недобрый дом...* [Цветаева 1994, т. 1: 249]; *Дом... / скрывающийся между лип* [Цветаева 1994, т. 2: 295]; *Чтите мой угрюмый грот (= дом)* [Цветаева 1994, т. 3: 27]; *Засады казенных / Немыслящихся домов* [Цветаева 1994, т. 1: 560]; *Из дома сонного иду – прочь* [Цветаева 1994, т. 1: 282]; *И каждый нес свою тревогу / В наш без того тревожный дом* [Цветаева 1994, т. 1: 60]; *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [Цветаева 1994, т. 1: 227]; *Смерть – это так: / Недостроенный дом, / Невозвращенный* [Цветаева 1994, т. 1: 277].

Дом в поэзии М.И. Цветаевой наделяется свойствами живого существа в целом, и любая его часть осмысливается как орган человеческого тела. В этом состоит антропоморфная логика образования адъективных словосочетаний в текстах М. Цветаевой: в сферу человеческих объектов (артефактов) вовлекаются признаки из этой же сферы, становясь мегаэпитетом, центром авторской картины мира. Таким мегаэпитетом следует признать адъектив *печальный (грустный)* как наиболее часто встречающийся в выбранных контекстах. Мы же сосредоточим свое внимание на менее очевидных, а потому более интересных примерах употребления эпитетов при концепте «дом».

Обращает на себя внимание метонимическое употребление эпитетов при данном концепте: часто дом обозначает населяющих его людей, поэтому интерпретируются такие выражения применительно к человеку: *недобрый дом, угрюмый, тревожный* и т.д.

Структура авторского концепта «дом» представлена такими смыслами, как «дом-жилище», «дом-строение», «дом-живое существо» (человек). Материал дает возможность говорить о том, что поэт многоаспектно осмысляет дом, уподобляя его человеку, людям, населяющим его, поэтому действует метонимическая логика построения эпитетов. Это может быть дом, существующий лишь в мыслях, в воображении (*немыслящийся*), или дом, воспринятый визуально (*скрывающийся, безглазый*), либо передается ощущение от пребывания в доме/ людей в доме (*радушный, угрюмый*). Не все эпитеты метонимически прозрачно заменимы, некоторые практически персонифицированы. Так, например, в эпитете *Дом... / скрывающийся между лип* на поверхности одушевление дома.

Подобное олицетворение дома является яркой идиостилевой чертой поэта. Закономерность образования регулярных соответствий между обозначениями дома и его определениями в русле антропоморфной логики объясняется вниманием поэта к эмоциональному восприятию окружающей действительности и проекции своих чувств на каждую часть артефакта.

Это роднит данную логику мировосприятия с мифологической; в каком-то смысле тотальное одушевление и персонификация реальности упрощает передачу внутреннего мира человека, но, с другой стороны, поскольку она не знает границ, выделяет идиостиль на фоне других особенно ярко.

Другие части дома олицетворяются также по метонимической логике, но это не исключает метафоры, так как метонимия существует на уровне вектора переноса, а метафора преобладает в осмыслении выражения.

Например: *Зеленый сад, отзавтракавший стол* [Цветаева 1994, т. 4: 126]; *Бродят шаги в опечаленной зале...* [Цветаева 1994, т. 1: 122]; *И дробным рокотом под подушкой / Рокочет ярая колотушка: / Не спи!...* [Цветаева 1994, т. 1: 285]; *Пуши – и лепет / Больших башмачков по хриплым / Половицам* [Цветаева 1994, т. 1: 508]; *То зелень старого стекла, / Сто лет глядящегося в сад...* [Цветаева 1994, т. 2: 295]; *Стекло, с полок бережных ...* [Цветаева 1994, т. 3: 125]; *Голая, как феллах. / Дверь делала стойку* [Цветаева 1994, т. 3: 137]. Ср.: на полках хранятся книги, хранилище книг → *бережные полки*.

Спектр ситуативных признаков метонимически обозначает людей, находившихся в пределах артефакта (стол, где завтракали; окна, в которые смотрели в сад), но последствия данного пребывания словно остаются частью предмета. Так, шаги людей бродят в зале (уже метонимия), но в зале опечаленной, в которой уже никого нет. Перед нами не просто метонимия, но сложный образ, раскручивая который, можно трактовать как новую метафору-персонификацию. Сложное переплетение метафтонимии дает повод сделать вывод о когнитивных закономерностях построения цветаевского образа, которые состоят в неограниченном распространении антропоморфного признака на любой участок смежной концептосферы и расширении сочетаемостных свойств любого прилагательного или адъективного слова (эпитета). Происходит этот процесс чаще всего именно в рамках эпифразы, на что особенно стоит обратить внимание.

Обратимся к небольшому участку концепта «дом», чтобы показать общую закономерность подбора адъективной лексики в рассматриваемой концептосфере. Концепт «стол» как один из ключевых концептов сферы артефактов и как один из тех, который дал название целому циклу стихотворений М. Цветаевой, осмысливается в русле антропоморфной логики: *Мой письменный верный стол! / Мой заживо смертный тёс! Спасибо, что рос и рос / Со мною...* [Цветаева 1994, т. 2: 309–310].

Перед нами презентация различных одушевленных объектов, с которыми поэт сравнивает стол, причем зачастую это противоречивые эпитеты: *заживо смертный*. Но для нас ключевым является первое определение: *письменный верный*, в котором употреблено относительное прилагательное *письменный* и оценочное антропоморфное *верный*: стол

расценивается как человек, персона, отчего и первое определение становится эпитетом, приобретая качественное значение.

Особо следует сказать об авторском концепте «*лестница*»; употребляется этот субстантив в одноименной поэме – «Лестница». Эпитеты к данному концепту подбираются поэтом путем конструирования потенциальных слов, близких к окказионализмам: *щипкая, шлепкая, хлопкая, капкая, дрожкая* (по аналогии с уже имеющимися определениями с тем же суффиксом -к: *чуткая, хлипкая, шаткая*):

Короткая ласка / На лестнице тряской; Короткая схватка / На лестнице шаткой, / На лестнице падкой; Короткая шутка / На лестнице чуткой, / На лестнице гудкой; От грешного к грешной / На лестнице спешной [Цветаева 1994, т. 3: 120].

Подбор эпитетов окказионален и нацелен на передачу особой динамики, движения лестницы как существа и движения по ней других субъектов; она как бы ускользает, еле уловима и неустойчива. Наличие эпитетов с суффиксом разговорного типа -к дает повод говорить о ситуативности осмысления признака денотата и желании привнести свое осмысление данной реалии. Лестница – свое рода переходная ступень между домом и внешним миром, спуск вниз, в мир суеты и смерти в противоположность дому, уюту, жизни.

Концепт «дом», построенный на оппозиции своего и чужого, обнаруживает тот важный факт, что центр и периферия данного концепта нечетко противопоставлены, из-за чего видно наложение многих смыслов: это одушевление дома метонимически (находящиеся в доме люди) и метафорически (сравнение с человеком: безглазым, угрюмым).

Основной закономерностью образования адъективной лексики в сфере артефактов следует признать последовательное экстраполирование эпитетов из сферы психики и эмоций на все участки когнитивного поля данной концептосферы. С одной стороны, эти переносы предстают как узуальные (*недобрый дом*), но стоит немного отклониться в сторону менее употребительной лексики из этой же сферы, перед нами метафорические эпитеты. Так, эпифраза *тревожный дом* немного отклоняется от узуальной логики словоупотребления в сторону авторской оценки: тревожные жители дома или восприятие дома и переживаемое состояние тревоги от этого.

Совмещение метафоры и метонимии при конструировании рассмотренных эпифрастических выражений приводит к мысли о метафтонимической природе антропоморфных эпитетов вообще и в текстах Марины Цветаевой в частности. Основываясь на исследованиях цветаеведов и на своих наблюдениях, можем сделать вывод о зеркальности субстантива и эпитета к нему. В обоих случаях речь идет о намеренной и в какой-то мере бессознательной интенции экстраполировать антропоморфный признак на смежные области-концептосферы, что порождает яркие и незузальные словоупотребления, которые кажутся

закономерными в рамках авторской логики номинации. Далее окказиональное *немыслящихся домов* продолжает цепочку переносов, акцентируя внимание на индивидуальном восприятии объекта, ситуативном, непредставимом.

Процесс метафтонимии имеет следующий механизм: на первом этапе происходит сближение концептосфер субстантива (определяемого) и эпитета (определения). Это сближение имеет метонимический характер, так как субстантив и эпитет находятся в близких концептуальных полях, имеющих общие смыслы (человек – его эмоции, состояние; артефакты – лица, использующие их, природа – люди, находящиеся в ней). Далее вступает в силу метафорическая логика, поскольку такие переносы воспринимаются читающим как явно переносные по сходству.

Необходимо отметить важную черту поэтики Марины Цветаевой, состоящей в когнитивной пропозициональной памяти вербализации основных концептов творчества. Поэт словно извлекает из тезауруса привычные логические цепочки объединения лексем и направляет их в том направлении, в котором необходимо здесь и сейчас. Именно поэтому во многих работах отмечается соматизм идиолекта поэта, особое внимание к метафоризации органов тела человека, что объяснимо не только эмоциональностью и предельностью поэтики, но и когнитивными механизмами. Так, если взять самую распространенную эпифразу *грустные глаза* и раскрутить сочетаемость эпитета со смежными субстантивами-определителями (*грустный человек, грустные ресницы, грустные руки*), то словосочетание не будет казаться образным и метафоричным. Если же эпитет станет распространяться на более далекие объекты, перед нами явно метафорическое, образное выражение (*грустные деревья, грустная душа*). Главным является то, что данная логика является для поэта основной, и нет границы между объектом эпитетации и эпитетом.

Авторская интенция работы над адъективной лексикой является единой как для поэтических произведений, которые были проанализированы в большем объеме по сравнению с другими текстами, так и в прозаических и драматургических текстах. Непоэтические тексты более склонны демонстрировать разговорную стихию языка, более узуальны, но и они иногда дают материал для подкрепления наших выводов.

Анализ закономерностей употребления адъективной лексики в рамках сферы артефактов привело к следующим выводам. Основной закономерностью образования адъективных лексем выступает оперирование ограниченным количеством лексем-эпитетов при порождении неограниченного количества смыслов. Такие смыслы зачастую являются окказиональными и не укладываются в логику речевого словоупотребления, но осмысляются автором и читателем как вполне

закономерные в силу погружения в контекст цветаевского мировидения и эмоционального фона текста. Когнитивной основой данного процесса является наложение семантических полей обеих лексем и возникновение нового образа.

Библиографический список

Валеева Д.Р. Репрезентация концепта ДОМ в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 20 с.

Габдуллина С.Р. Концепт дом/родина и его словесное воплощение в стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны. М., 2004. 243 с.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные проблемы эпитетологии // Человек, текст, язык в системе социогуманитарного знания: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, 29 марта 2017 г. Нижний Тагил, 2017. С. 129–133.

Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 24 с.

Ермаковская Т.А., Сафонова Н.Н. Индивидуально-авторская репрезентация лексемы «дом» в творчестве М.И. Цветаевой 1918–1941-х годов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. №3. С.1.

Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 232 с.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. №3. С. 93–95.

Козакова А.А. Концепт печаль в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Известия вузов Северо-Кавказского региона. 2009. Т. 153. №5. С. 123–128.

Полехина М.М. Вопрос о репрезентации художественного концепта в творчестве писателя // Язык. Культура. Перевод: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. М.: МГИМО, МИД РФ, 2019. С. 121–128.

Сандакова М.В. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-тельн* в русском языке XX–XXI вв.: границы между лексико-грамматическими разрядами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №2. С. 202–209.

Ситдикова Г.Ф. Образ дома и мотив одиночества в лирике М.Ю. Лермонтова и М.И. Цветаевой // Бочкаревские чтения. Самара: СГПУ, 2006. С. 170–179.

Тазиева Е.М. Окачествление относительных прилагательных в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 115 с.

Тимошенко С.А. О лингвориторических возможностях индивидуально-авторского концепта дом (на материале поэзии М. Цветаевой) // Лингвориторическая парадигма. Сочи, 2005. Вып. 7. С. 127–135.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 297 с.

Широлапова Н.Ю. Лексико-стилистические средства поэзии М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 217 с.